

Научил не терять себя

[Профессор В. Клепиков]

#20-21 от 03.10.2006

, 1972 .

Мое знакомство с Михаилом Федоровичем Семко, как с ректором, состоялось еще при поступлении в ХПИ. Мой отец, школьный учитель физики, попросил своего друга, учителя математики А.С. Деспотули, дать мне некоторые знания из вузовской программы. Среди прочего Александр Сергеевич показал мне применение теоремы Гульдена при определении объемов тел вращения. Вместо громоздких определений, сложения и вычитания объемов фигур, данная теорема давала решение в одну строчку. На письменном экзамене я в черновике решил задачу традиционным способом, а в чистовике по теореме Гульдена. Однако в списке допущенных к устному экзамену (серебряные медалисты сдавали в те годы 2 вступительных экзамена вместо 5) своей фамилии не обнаружил. В приемной комиссии сказали, что я получил тройку, а я настаивал, что решил все и требовал показать работу. Пришлось писать заявление на имя М.Ф. Семко, и когда ответственный секретарь приемной комиссии увидел, что проверявший работу преподаватель не зачел решение задачи по Гульдену и не учел черновик (а это нужно было делать обязательно), он побледнел. (Только через 17 лет, став ответственным секретарем приемной комиссии ХПИ, я понял почему. В те годы исправление оценки было большим ЧП, влекшим серьезные неприятности для ректора, ответственного секретаря и проверявшего преподавателя со стороны партийных и административных инстанций). Однако когда Михаилу Федоровичу доложили о происшедшем, он вынес вопрос на заседание приемной комиссии, оценка была исправлена, а виновные (видимо очень строго) наказаны. Так, благодаря характерной для Михаила Федоровича черте – небезразличию к судьбе другого, даже совсем маленького человека – я стал студентом ХПИ.

Второй раз Михаил Федорович определил мою судьбу в 1961 году, дав мне возможность остаться в ХПИ после защиты диплома. Мне тогда хотелось быстрее стать

самостоятельным, уехать из Харькова, и на предварительном распределении я выбрал предложение представителя треста, ведущего по всей стране монтаж и наладку оборудования ретрансляционных телевизионных линий. Однако во время распределения декан В.Т. Омельченко, даже не спросив моего согласия, сказал: «Так, Клепиков, комиссия оставляет тебя в ХПИ. Будешь работать на переднем крае науки в лаборатории механических выпрямителей». Я стал возражать, апеллировать к представителю треста, но Виктор Трофимович твердо заявил: «Не спорь, ректор сказал оставить тебя в ХПИ. Поверь, ты никогда об этом не пожалеешь». Жизнь показала, что он оказался прав. Работа в лаборатории была исключительно интересной. Сейчас даже трудно представить, что в те годы выпрямление электрического тока осуществлялось не полупроводниками, а механическим переключением контактов. Каждый блок выпрямлял ток более 10 тысяч ампер, и они были установлены на Днепровском титаномагниевого заводе. Я попал в лабораторию, когда там решалась проблема аварийных отключений и разрабатывался АРТПД – автоматический регулятор тока прямого действия. Именно тогда я решил, что посвящу свою жизнь науке.

Работать рядом с Михаилом Федоровичем было хорошей школой. Он демонстрировал сам и требовал с других ответственности, четкости, инициативности. Вот один пример его воспитательных приемов. В 1973 и 1974 г. г. я был назначен ответственным секретарем приемной комиссии ХПИ. Нужно сказать, что в отдельные периоды это крайне напряженная работа. Однажды в такой период мне звонит Михаил Федорович и просит срочно подготовить справку по какому-то вопросу. Готовлю справку, вдруг звонит Татьяна Назаровна: «Где справка?» – «Готовим». Еще через полчаса опять такой же звонок. Выхватываю из машинки бумагу, отношу Татьяне Назаровне. Вдруг снова звонок. Михаил Федорович: «Владимир Борисович, зайдите, пожалуйста». Сразу почувствовал, что что-то не так. Захожу: «Владимир Борисович, ну как же Вы так могли?» – «В чем дело, Михаил Федорович?» – «Нет, ну как же Вы так могли? Ведь Вы же ответственный человек. Смотрите. Здесь пропущена буква. Здесь нет точки, здесь запятой. Я же Вам доверяю. А если бы я подписал и передал в горком?» С тех пор каждую бумагу после машинистки я вычитывал лично. Раза два после этого Михаил Федорович читал подаваемую бумагу внимательно и, убедившись, что я сделал вывод, впоследствии ставил подпись лишь после беглого просмотра.

Как воспитателя кадров, Михаила Федоровича отличало также умение поставить перед сотрудником большие задачи и поддержать в трудный момент. В 1976 году меня, в то время доцента кафедры промышленной электроники, ректорат и партком рекомендовали на должность заведующего кафедрой, которую я окончил. Тогда она называлась «Электрификация промышленных предприятий». В беседе с Михаилом Федоровичем я поделился своими сомнениями: «Во-первых, мне неудобно идти на место своего учителя – Виктора Александровича Клемина-Шаронова; во-вторых, там есть свои растущие докторанты, а в третьих, мне жаль бросать свою научную тематику, по которой я защитил кандидатскую и работаю над докторской».

Он ответил: «Виктору Александровичу 70 лет, и он с заведования уходит, твою кандидатуру

он поддерживает, а научную тематику вместе со своей группой забирай с собой».

На заседание кафедры по выборам заведующего Михаил Федорович пришел лично, что делал далеко не всегда. Видимо, он чувствовал, что в данном случае нужно поддержать молодого (мне только исполнилось 37 лет) кандидата своим авторитетом. После единогласного избрания и окончания заседания Михаил Федорович попросил Виктора Александровича показать кафедру и осмотрел все лаборатории. Затем попрощался с Виктором Александровичем, а меня попросил проводить его. «Я ставлю перед Вами три задачи: первая – осовременить оборудование (это мне было понятно), вторая – придать кафедре полет (т. е. кафедра должна стать передовой в ХПИ, в Украине, в Союзе, – подумал я) и третья», – посмотрел мне в глаза, по-семковски улыбнулся, – «не потерять себя в решении первых двух задач». Я знал, что это означает: «Личностью в высшей школе человека делает только защита докторской диссертации», – не раз говорил Михаил Федорович, подчеркивая высокую роль науки в системе высшего образования.

Эти три кратко сформулированные задачи во многом определяли мои действия и линию поведения во всей последующей жизни.

Несмотря на высокий пост, огромный авторитет, звания и награды, Михаилу Федоровичу «ничто человеческое не было чуждо». Он был прост в общении, ценил юмор и сам мог пошутить над допустившим оплошность. Это особенно часто наблюдалось во время заседаний приемной комиссии по зачислению в студенты, когда какой-нибудь декан чего-то недосмотрел или упустил в оформлении личных дел. Михаил Федорович тонко шутил, но это было необходимо для прощтрафившегося, а все остальные с особой тщательностью начинали всматриваться в документы. Работа приемной комиссии обычно заканчивалась выездом в наш спортлагерь в Фигуровке с застольем и ночевкой. Михаил Федорович был душой общества, остроумным тамадой, организатором катания на катере и купания в реке. В обществе с ним было легко, воцарялось какое-то особое приподнятое настроение. Он не гнушался выпить со всеми за произнесенный тост, но внимательно следил, чтобы никто «не перебрал».

Деловой стиль Михаила Федоровича при принятии спорных, сложных, ответственных решений отличала коллегиальность. При этом он всегда начинал так: «Давайте выработаем принципы» и сам называл основные, против которых возразить было невозможно. После обсуждения вопроса по принципам всегда получалось, что нужно принимать то решение, которое изначально предлагал Михаил Федорович. Но оно действительно было наилучшим. Невозможно не отметить еще одну черту таланта Михаила Федоровича – умение выступить ярко, кратко и убедительно. Меня всегда интересовало, как он готовится к выступлению? Как-то раз случилось, что мне было поручено вести банкет иностранных студентов по случаю получения дипломов, который традиционно проходил в танцевальном зале Дворца студентов ХПИ. Пришел Михаил Федорович, и я спросил его, когда предоставить ему слово. «Я не собирался выступать, поэтому просто присутствую». В ходе вечера каждый из выступавших обращался к Михаилу Федоровичу, благодарил его, ХПИ за внимание, тепло и хорошую подготовку. И тогда он попросил предоставить ему слово. Он говорил не более 5 минут о незабываемости студенческих лет, о величии вуза, в котором они учились, о

необходимости всю жизнь продолжать умножать свои знания, о долге выпускников служить народам своих стран. Но говорил он настолько ярко, что, когда окончил, все 150 человек встали и устроили овацию. Когда мы сели, я спросил Михаила Федоровича: «Скажите честно, сколько Вы готовились, чтобы так выступить»? Он улыбнулся своей неповторимой улыбкой и ответил: «Всю жизнь».

Уже много лет нет с нами Михаила Федоровича, но в делах и поступках тех немногих оставшихся в ХПИ, кто непосредственно с ним работал, я отмечаю те или иные качества, воспринятые от общения с великим Человеком Михаилом Федоровичем Семко.

Профессор В. Клепиков, заведующий кафедрой «Автоматизированные электромеханические системы», президент Украинской ассоциации инженеров-электриков, Заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор технических наук